О. В. Зиборов

О ПРЕВЕНТИВНОЙ И РЕПРЕССИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

В статье анализируется соотношение научных подходов к исследованию военного положения с точки зрения политики права соответствующего исторического периода. Приводятся научные подходы к определению места и роли военного положения в системе административного законодательства. Используется собственная методика исследования военного положения путем сопоставления интересов государственной безопасности с правами граждан в рассматриваемых условиях. Предлагаются два подхода к исследованию военного положения: через его превентивное и репрессивное предназначение.

С превентивной точки зрения введение специального административно-правового режима позволяет не допустить наступление более серьезных последствий возникшей чрезвычайной обстановки.

В качестве репрессивной составляющей введения специальных административно-правовых режимов выступает приостановление деятельности судов общей юрисдикции с предоставлением соответствующих судебных полномочий военным судам.

Применение государством принудительных мер военного положения должно преследовать цель не допустить наступление более серьезных общественно опасных последствий совершаемой агрессии или непосредственной угрозы подобной агрессии. Сам факт законодательного регламентирования ряда репрессивных мер может быть направлен только на предупреждение подобных негативных проявлений в дальнейшем путем устрашения как самого адресата применения подобных мер, так и других лиц.

Ключевые слова: режим, правовой режим, административно-правовой режим, военное положение, право, закон, научное исследование.

O. V. Ziborov

PREVENTIVE AND REPRESSIVE COMPONENTS OF MARTIAL LAW

The article analyzes the ratio of scientific approaches to the study of martial law from the policy perspective, the rights of the historic period. Provides scientific approaches to defining the place and role of martial law in the system of administrative law. Uses its own methods of research of martial law by matching the interests of national security with the rights of citizens in these conditions. Offer two approaches to the study of martial law: through its preventive and repressive purpose.

From a preventive point of view, the introduction of special administrative-legal regime will prevent the onset of more serious consequences of current emergency situation.

As repressive component of the imposition of special administrative-legal regimes is the suspension of activity of courts of General jurisdiction with the provision of the relevant judicial authority of the military courts.

The use of government coercive measures of martial law should aim to prevent the onset of more serious socially dangerous consequences, perpetrated aggression or direct threat of such aggression. The fact of legislative regulation of a number of repressive measures can be aimed only at preventing such negative manifestations in the future by means of intimidation as the recipient of the application of such measures, and others.

Keywords: mode, the legal regime, administrative-legal regime, martial law, law, law, scientific research.

В ходе исследования генезиса научных подходов к изучению военного положения становится очевидной прямая взаимосвязь между высказываниями представителей административно-правовой науки об административно-правовых режимах и политикой права соответствующего периода. В контексте анализа воззрений В. М. Гессена на

исключительное законодательство можно кратко охарактеризовать мнение ученого его же фразой о том, что «...государственная необходимость выше индивидуальной свободы, и если в нормальных условиях государственной и общественной жизни современное государство признает и гарантирует индивидуальную свободу, то в условиях чрезвычайных оно жертвует ею

интересам безопасности, а, может быть, и самого существования государства» [1, с. 109]. Подобное отношение к преобладанию интересов государственной безопасности над правами граждан основывается на высказываниях древнеримского политика и философа Марка Тулия Цицерона, который говорил, что «salus populi suprema lex esto» [2] — «великие бедствия нуждаются в великих средствах». Французский мыслитель и правовед XVIII в. Шарль Луи Монтескье так сформулировал свое мнение по данной проблеме: «Опыт народов самых свободных, какие когда-либо существовали на земле, заставляет признать, что бывают обстоятельства, когда необходимо на некоторое время набросить покров на свободу, как некогда его набрасывали на статуи богов» [3]. Соглашаясь с тем, что возможно возникновение юридических фактов, позволяющих на время отступить от повседневных законов, охраняющих права и свободы граждан, В. М. Гессен отмечает, что в любом случае они должны отвечать двум основополагающим требованиям: 1) исключительность предоставляемых полномочий, т. е. эти полномочия могут применяться только при наличии обстоятельств, действительно являющихся чрезвычайными; 2) объем предоставляемых органам власти чрезвычайных полномочий должен ограничиваться строгими рамками безусловной необходимости этих полномочий, а именно наделение только таким объемом, который действительно необходим для спасения государства от угрожающей ему серьезной опасности. В начале XIX в. в итальянском парламенте происходило обсуждение проекта закона об осадном положении, в процессе которого на пленарном заседании представитель группы депутатов высказал следующее характерное мнение: «Раньше я думал, что закон, предусматривающий осадное положение, является делом ненужным и даже вредным... Но теперь, когда мы уперлись в тупик, — то, что мне раньше казалось ненужным и, может быть, опасным, кажется мне необходимостью, почти спасением для страны» [4].

В. М. Гессен высказывает мнение о том, что право главы государства объявить военное положение следует рассматривать как действие данного должностного лица в состоянии крайней необходимости. Действительно, между процедурой административного правотворчества в виде издания акта о введении военного положения и такой мерой, как крайняя необходимость, есть определенное сходство. В процессе реализации военного положения

происходит ущемление предусмотренных законом прав и свобод участников правоотношений, однако с учетом сложившихся обстоятельств подобное ущемление не признается неправомерным, поскольку оно осуществляется для защиты государства и граждан от агрессии против Российской Федерации. Эта особенность военного положения корреспондируется (с некоторыми ограничениями) с институтом крайней необходимости, закрепленным современным административным законодательством, предусматривающим возможность освобождения от административной ответственности лица, причинившего вред охраняемым законом интересам для устранения опасности, непосредственно угрожающей охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред. Очевидно, что в данном случае, как и при введении военного положения, следует говорить о правомерности любых правоограничений путем использования тех или иных мер воздействия только в соответствии с принципом соотношения минимизации причиняемого ущерба одним общественным отношениям для охраны иных более важных общественных отношений.

Можно говорить о двух основных целях использования исключительного законодательства, по мнению В. М. Гессена: превентивной и репрессивной. С превентивной точки зрения введение специального административно-правового режима позволяет не допустить наступление более серьезных последствий возникшей чрезвычайной обстановки. Ведь наряду с уже возникшими общественно вредными последствиями возможно их усугубление, а предупреждение данного явления и является одной из целей в том числе и военного положения. По мнению автора, применение мер административного принуждения, ограничивающих права и свободы граждан (например, предварительное задержание; запрещение политических собраний; административная высылка; изъятие из обращения произведений печати), которыми органы государственной власти наделены и в повседневных условиях, в чрезвычайных обстоятельствах должны носить не общий, а конкретный характер, т. е. использоваться не повсеместно, а исходя из складывающейся обстановки. Да и сам процесс ограничения гражданских свобод (и с этим нельзя не

согласиться) не должен являться целью введения военного положения, а может рассматриваться исключительно как средство охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в рассматриваемых условиях. В качестве репрессивной составляющей введения специальных административно-правовых режимов выступает, по мнению В. М. Гессена, приостановление деятельности судов общей юрисдикции с предоставлением соответствующих судебных полномочий военным судам. Подобная практика имела место и в более поздние исторические периоды, например, при создании военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны. На сегодняшний день законодательство о военном положении прямо предусматривает, что на территории действия военного положения функционируют только те суды, которые установлены Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами, да и сама процедура судопроизводства должна основываться строго на положениях действующего российского законодательства. В качестве исключения из общего правила судопроизводства на период военного времени предусмотрена возможность изменения подсудности дел, рассматриваемых судами, при невозможности осуществления правосудия на территории, на которой введено военное положение, но только на основе решения Верховного суда Российской Федерации [5]. Более того, о недопустимости создания чрезвычайных судов прямо говорится в Конституции Российской Федерации [6].

Говоря о соотношении превентивных и репрессивных элементов чрезвычайного законодательства, В. М. Гессен отмечает свое принципиальное мнение относительно необходимости преобладания первой группы мер и недопустимости последней. Как мы уже отмечали, он сравнивает сам факт объявления специального административно-правового режима с состоянием крайней необходимости, учитывая цели которого — противодействие негативному влиянию одних отношений (менее важных) в интересах соблюдения других (более важных отношений) — сам факт использования репрессивных мер после наступления вредных последствий противоречит предназначению крайней необходимости.

Таким образом, подводя итог данной группе мер, отметим, что применение государством

принудительных мер военного положения должно преследовать цель недопущения наступления более серьезных общественно опасных последствий совершаемой агрессии или непосредственной угрозы подобной агрессии, а сам факт законодательного регламентирования ряда репрессивных мер может быть направлен только на предупреждение подобных негативных проявлений в дальнейшем путем устрашения как самого адресата применения подобных мер, так и других лиц. Наиболее ярким представителем репрессивных мер исключительного законодательства является, как мы отметили, создание военных судов. Для того чтобы понять отношение В. М. Гессена к таким судебным трансформациям, процитируем автора: «Нельзя себе представить более принципиальной, более резкой противоположности, чем та, которая необходимо существует между функцией военной и судебной. Только потому и создаются военные суды, что суд не может быть военным, военный суд не может быть судом. Судья судит и должен судить по закону; военный действует и должен действовать по приказанию; судья и солдат — антиподы. Доблесть солдата — порок судьи; доблесть судьи — порок солдата» [1, с. 130]. Следует сказать, что В. М. Гессен был далеко не одинок в своем неприятии чрезвычайного судопроизводства. Французский просветитель Бенджамин Констан в начале XIX в. писал, что «...военная юстиция широко распространилась почти по всей Европе... В роли судей мы видим людей, самая одежда которых свидетельствует о том, что они подчинены дисциплине и, следовательно, не могут быть независимыми судьями. Если в наших внуках будет жить сознание человеческого достоинства, они не поверят, что было время, когда люди, прославленные, конечно, бесчисленными подвигами, но воспитанные в казармах и не знающие гражданской жизни, допрашивали обвиняемых, которых они не в состоянии понять, осуждали граждан, которых они не вправе судить...» [7, с. 264].

Похожую точку зрения встречаем и в работе известного немецкого юриста середины XIX в. Карла Миттермайера: «Я не знаю большего несчастья для страны, чем предание военному суду политических преступников, не принадлежащих к армии. Военный суд — это пародия процесса, маскарад правосудия. Здравый смысл народа не может ошибиться; он чувствует, что пред ним не право, а видимость права, что судьями избраны

люди, в которых, как в послушном орудии, уверена власть» [8, с. 64].

Таким образом, в процессе становления и развития научного обоснования целесообразности применения не только превентивных, но и репрессивных мер подавляющее большинство исследователей приходят к выводу, сформулированному фразой «если есть истина, признанная всеми, это — та истина, что военный суд — не суд; если есть факт, осуждаемый всеми, это — факт существования военных судов». Однако правоприменительная деятельность показывает, что каждый исторический период возникновения чрезвычайных обстоятельств военного характера неизбежно диктовал необходимость следования другой цитате «чрезвычайная обстановка в государстве требует чрезвычайных мер для ее ликвидации».

Список библиографических ссылок

1. Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908.
2. De legibus III, 4, § 8.
3. Esprit d. L., XII, 19.
4. Gmelin, 1. с.
5. О военном положении: федер. конституц. закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) // Парламентская газета. 2002. 2 февр.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: федер. закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4604.
7. Benjamin Constant. Cours de politique constitutionnelle. Pages, 1836. T. I.
8. Mittermaier K. Archiv für Criminalrecht, 1849.

© Зиборов О. В., 2015